

ИСТОКИ

Юрий Семёныч, автор статьи о творчестве Трошина.

блестящие статьи, которые редактор периодического возвращал Трошину "без права на доработку". И автор уходил домой с поллитрой за закуской и оба выходных дня сидел "под мухой це-це".

Муха прилетела из Африки. Слушать воспоминания о тех временах было лучшим нашим развлечением. Трошин говорил с обычными своими юморными запинками, и одна бровь была у него постоянно кверху.

Иногда мы просили его сказать что-нибудь на сухую. Он извергал череду прочных, твёрдо обрубленных слов, и в комнате сразу пахло чем-то пиратским, чем-то ругательным и восторженным.

— Харака-харака хаина барака! — повторяли мы вслед за Трошиными африканскую поговорку, переводимую как давно знакомое "поспешай медленно".

Но нам важен был не перевод, а сам запах диковинных слов и ещё то, что с заменой всего двух гласных эта поговорка превращалась в великолепную непечатную фразу, которая надолго стала нашим паролем.

В шестидесятых Трошин два с лишним года был переводчиком в Танзании у советского "скотоского доктора", то бишь ветеринара. Жил он в деревне, укутанной тропическими лесами, пользовали горабы коров зебу, миссионерских собак и кошек, однажды извлекли из колодца и отходили упавшего туда слонёнка.

И при этом неплохо выполняли прощальный завет английских и ещё каких-то там колонизаторов, по-дружески сказавших им: — Пить виски здесь надо регулярно, потому как Африка — это могила для белого человека.

На фотографиях той поры Трошин стоит умопомрачительно молодой и красивый, однако поля солнцезащитной шляпки знакомо обломаны — не по духу новгородско-псковско-тверскому мужичку внешний лоск.

Да, вырос Семёныч в тех небольших лесах. А в карельских — служил. А в вологодских — работал по специальности МГУ.

Трошин прекрасно понимал силу и вред пьянства и относился к нему... Впрочем, вот цитата его собственная — из тех, что погубили "без права на доработку".

"В жизнь мое поколение вступало с песней: "Выпьем за Родину, выпьем за Сталина, выпьем и снова работай таксистом". И с озлоблением учил английский. И полюбил по нему пятерку с плюсом.

Это было время, когда на плакатах всюду рисовали африканца, сурово рвущего колонизаторские цепи. Не мог же он миновать наши объятия! Трошин, еще даже не окончивший МГУ, был в числе пер-

вых посланцев в Танзанию, тогдашнюю Танганьiku. Всего на годок. Срок, однако, растянулся, потому как "партия сказала, что надо продолжать обниматься".

А знакомили австрияк, когда-то потерявший ногу под Сталинградом, зло заявлял, что неграм больше всего помогло бы учреждение типа гестапо или НКВД. И в ходе застолья предлагал молодому русскому махнуть вместе с ним в Южную Родезию. Трошин, смурной, худой и стойкий, обижался за негров и за НКВД, за то, что сравнили его болно уж непотребно.

На почве тех же идейных разногласий Трошин спотыл и посланника папы римского, прибывшего в те заповедные края для рождественской проповеди. Перебрав "столичный" африканский, добытой местным шинка-

мы этого не уясним, ничего в улучшении человеческой природы не достигнем. Где-то сказано: "Порока лучшая узда есть Бога страх и страх стыда". Отрекшись от Бога, под которым, если угодно, можно понимать мировую разум и целесообразность, утратив нравственные принципы, дав волю необузданному цинизму, мы ничего и не могли бы достичь лучше того, что достигли".

Вывравшись из Африки, где "лишь во сне он пил российский самогон и слышал сквозь туман родимый крик ворон", Трошин по обыкновению всех приехавших из заграники купил машину и укатил на ней к нам, в Орел, где ждала его молодая жена с дочурками-двойняшками. В Орле и обосновался после университета. Москва казалась страшной Африкой.

Но и в прекрасной нашей глуми этом не уясним, ничего в улучшении человеческой природы не достигнем. Где-то сказано: "Порока лучшая узда есть Бога страх и страх стыда". Отрекшись от Бога, под которым, если угодно, можно понимать мировую разум и целесообразность, утратив нравственные принципы, дав волю необузданному цинизму, мы ничего и не могли бы достичь лучше того, что достигли".

это? От приглашения в столицу он отказался, практиковаться в языках бросил, лишь иногда ругался по-африкански, вспоминая того австрияка, того епископа, тех молодых католических попов Майкла и Джима, что втихую дивились такой стойкой трюшинской любви к своей далёкой затурканной России.

Оказывается, задумался учёный труд на тему "О поведении человека перед лицом ракетно-ядерного века".

И Трошин за три месяца перепечатывает весь гигантский трёхтомник "Опытов" Монтеня. Пишущую машинку, пришедшую после этого в полную негодность, выбросил. Купил другую, более надёжную.

Точно так же съехавшись, по общему мнению, с катюшек африканский вояжер перепечатывает Шо-

Среди кумиров, с которыми Трошин до конца сверял свою жизнь, — писатель Джек Лондон, доктор Альберт Швейцгер. И, пожалуй, киплинговский кот, который ходит сам по себе.

Этот удивительный человек сначала работал в "Орловском комсомолец" и долго отбивался от перехода в "Орловскую правду", хотя был тургеневским лауреатом номер один — обладателем самой первой и самой главной тогда областной журналистской премии.

Но с утешением времени, как и водится, укатили сивку крутые горки. Трошин понемногу "серел". Мы увидели его потухшим, разгаванным. Однако это — для непотребных. Те же, кто сумел разоблачиться в кинописи его чувств и воззрений, знали: Трошин видит и слышит лучше нас.

...Мы уже прочли многое из его

— Политика дело грязное, ребята, — сказал он нам об этом. — Не поднимайте своего герцошского восстания.

Мы его сочли предателем, восстание было поднято и подваче не только редакционным людом, но и всем городом. Официальный кандидат погорел, а наш друг победил, однако память о дерьме, каким в той войне перемазались мы все, и сторонники, и противники, до сих пор вызывает у меня стойкое отвращение к политике.

Трошина любили. Хотя, на первый взгляд, его и любить-то было не за что. Незаметно для себя он сделался ужасным ретроградом. Безбожно правил своих сотрудников, заменяя их приземлённые строки другими, столь же приземлёнными. Кроме того, не позволял парням быть "на беспрепятственном содержании". Кроме того, признавал нужными только сельхозстатьи, все прочие обзывать "песнями". Заявлял, что словобудие нас поубит, хотя сам великолепно владел тем искусством.

И на собраниях, и на летучках он медленно кромсал на колёнце чьют замечки своим старым "паркером", лишь изредка поднимая от бумаг лохматую голову. Выступал редко, но во время его речей все начинали стонать от смеха. Он без тени улыбки мог доказывать что угодно и обязательно в пользу своего отдела.

Двадцатилетнее томление растерянной души прошло, Трошин прекрасно разобрался в ржавых пружинах жизнеустройства и научился в случае надобности столь виртуозно прикидываться простаком, что вместо возмущения вся редакция приходила в восторг.

Я всматривался в лицо старшего своего друга, лицо такое мрачное и доброе, такое морщинистое и лукавое:

— Сколько талантов ты похоронил в себе, Семёныч...

— Ну ты даёшь! — он крутил голову, лохматил свои стальной чуб, протягивал беломорину: — На, засмоли луже.

И по-прежнему копался в полноводных сельхозвестях, которые всем нам виделись такими ничтожными, а ему спасительными для России. А может — для него...

Когда Юрия Семёновича (незаслуженно разгаванным, трагической кончины) похоронили в шестидесятые, он в ответном слове по-прежнему иронически сказал:

— Чему радоваться? Вот я наконец вскарабкался на эту великую сияющую вершину — и теперь стою на ней дурак дураком...

Он разгадал жизнь. И прекрасно понимал, что прожил её чудесно и умно.

Этот очерк (за исключением последних строк) написан в 1991 году, Трошин дал "добро" на его публикацию в областной "молодёжке" и потом в моей книге "Маковка". Сейчас я лишь изменил временную форму текста, добавил вынужденные слова "был", "было".

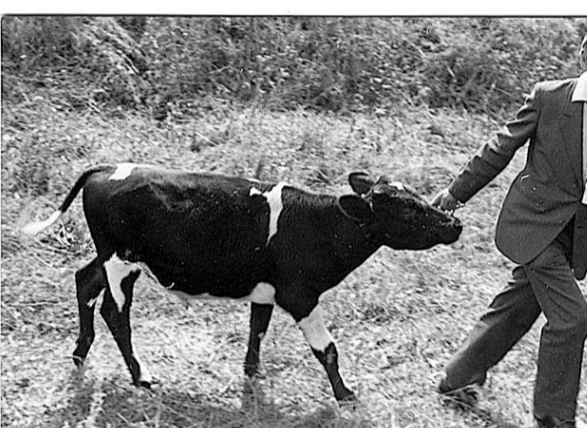
Но в нашей памяти Семёныч по-прежнему остаётся в настоящем времени.

Юрий ОНОПРИЕНКО.

«РОДИМЫЙ КРИК ВОРОН...»

Трошин в Танзании, 1961-62 гг.

Трошин в Орле, 1963 г.

Юра Трошин себе зуб пасташками выдрал! Айда глядеть!

Газетные волки трусой бегут в сельхозотдел, следом и я робко заглядываю. Там в углу сидит за пишущей машинкой дядя длинноносый да мрачный. Вокруг него хохочущий хоронид.

— Да сроду я к этим врачам не ходил, — шелелявит, запинаясь, наспуленный дядя и вдруг развезвезается в кособокой улыбке и беломорину из опухших губ чуть не роняет.

Так вот он, Трошин, о котором столько смешного и ласкового слышу в первые свои новобранные дни. Вправду, юморной мужичок. Пиджак на нём всерьез затёртый и галстук энергично скукоженный. А на голове шляпа такая, что лучше бы её в музей, страдальцу.

— Неноменатурная шляпень, точно, — соглашается Трошин, лихо нахлобучивает её на самый из своего великолепно нескомоченного носа и продолжает: — Какова рожь, такова и шапка. Так, кажется, Василий Осипович отвечал на упрёк? Да-да, Ключевский... Ну ладно, пойду, а то муха це-це давно на что-то намекает.

Тогда ему было лишь сорок, потом, как он выражался, — "через пятьдесят". За годы мы многое друг в дружбе развели, и что такое легендарная трошинская муха це-це, я давно узнал. А поначалу весьма дивился, почему Трошин, этот столь колоритный и в словах, и в делах журналист, пишет таким кондовым языком. Его штампованные заметки о первой борозде да о вывозке навоза были всем нам, молодым, поперёк горла.

Он стал заведующим отделом, но слог и тактику нисколько не изменил.

— Юрий Семёныч, хватит нам ваших сводок о надеях и покосах! — вопили на летучках новые огненные юнцы, а он тыкал пальцем в сторону "большого дома".

— Обсуждают...

И до следующей летучки разговор исчерпан. Каждому было ясно, где больше всего любил Трошин, и в делах журналист, пишет таким кондовым языком. Его штампованные заметки о первой борозде да о вывозке навоза были всем нам, молодым, поперёк горла.

Он стал заведующим отделом, но слог и тактику нисколько не изменил.

— Юрий Семёныч, хватит нам ваших сводок о надеях и покосах! — вопили на летучках новые огненные юнцы, а он тыкал пальцем в сторону "большого дома".

— Обсуждают...

И до следующей летучки разговор исчерпан. Каждому было ясно, где больше всего любил Трошин, и в делах журналист, пишет таким кондовым языком. Его штампованные заметки о первой борозде да о вывозке навоза были всем нам, молодым, поперёк горла.

Он стал заведующим отделом, но слог и тактику нисколько не изменил.

— Юрий Семёныч, хватит нам ваших сводок о надеях и покосах! — вопили на летучках новые огненные юнцы, а он тыкал пальцем в сторону "большого дома".

— Обсуждают...

И до следующей летучки разговор исчерпан. Каждому было ясно, где больше всего любил Трошин, и в делах журналист, пишет таким кондовым языком. Его штампованные заметки о первой борозде да о вывозке навоза были всем нам, молодым, поперёк горла.

Он стал заведующим отделом, но слог и тактику нисколько не изменил.

ревидимую как давно знакомое "поспешай медленно".

Но нам важен был не перевод, а сам запах диковинных слов и ещё то, что с заменой всего двух гласных эта поговорка превращалась в великолепную непечатную фразу, которая надолго стала нашим паролем.

В шестидесятых Трошин два с лишним года был переводчиком в Танзании у советского "скотоского доктора", то бишь ветеринара. Жил он в деревне, укутанной тропическими лесами, пользовали горабы коров зебу, миссионерских собак и кошек, однажды извлекли из колодца и отходили упавшего туда слонёнка.

И при этом неплохо выполняли прощальный завет английских и ещё каких-то там колонизаторов, по-дружески сказавших им: — Пить виски здесь надо регулярно, потому как Африка — это могила для белого человека.

На фотографиях той поры Трошин стоит умопомрачительно молодой и красивый, однако поля солнцезащитной шляпки знакомо обломаны — не по духу новгородско-псковско-тверскому мужичку внешний лоск.

Да, вырос Семёныч в тех небольших лесах. А в карельских — служил. А в вологодских — работал по специальности МГУ.

Трошин прекрасно понимал силу и вред пьянства и относился к нему... Впрочем, вот цитата его собственная — из тех, что погубили "без права на доработку".

"В жизнь мое поколение вступало с песней: "Выпьем за Родину, выпьем за Сталина, выпьем и снова работай таксистом". И с озлоблением учил английский. И полюбил по нему пятерку с плюсом.

Это было время, когда на плакатах всюду рисовали африканца, сурово рвущего колонизаторские цепи. Не мог же он миновать наши объятия! Трошин, еще даже не окончивший МГУ, был в числе пер-

рем по заказу русских аж из портового города соседней страны, епископ так и не смог на следующий день выступить перед прихожанами.

Трошин прекрасно понимал силу и вред пьянства и относился к нему... Впрочем, вот цитата его собственная — из тех, что погубили "без права на доработку".

"В жизнь мое поколение вступало с песней: "Выпьем за Родину, выпьем за Сталина, выпьем и снова работай таксистом". И с озлоблением учил английский. И полюбил по нему пятерку с плюсом.

Это было время, когда на плакатах всюду рисовали африканца, сурово рвущего колонизаторские цепи. Не мог же он миновать наши объятия! Трошин, еще даже не окончивший МГУ, был в числе пер-

бинке почуял он вскоре в себе несное томление. Вдруг продал машину по дешёвке, а вырученные деньги в один год промотал на знаменитой в Орле Щепной площади.

Нет, не в тамошний пивбар, упили денежки. Десятки книг тащил с барахолки сей странной тип, всегда удивлявший своей учёностью и твёрдостью, и столичных преподавателей. Что ему ещё надо было, каких знаний!

А томление ломило душу всё сильнее. И вот уже на столе у него фантомные, каких не найти было и на Щепном чёрном рынке. Книжки и рукописи ему давали по случаю, на время, но тянуть не только прочесть, но и иметь их под рукой.

Для чего, спрашивается, всё

пенгауэра, Ницше, Фрейдя, Ренана, труды по китайской философии... Через областную библиотеку выписывает из Москвы и Ленинграда какие-то микрофильмы и, прильнув к "мелкоскопу", торчит над ними в читальном зале, переписывая и затем опять же перепечатывая — упорно, убористо, в один интервал.

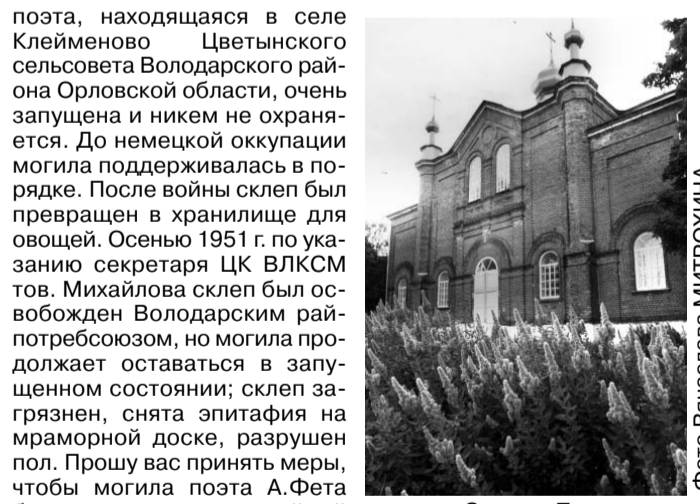
Ну и что же, дошёл до сути? Портрет Диогена с фонарём, что висел дома, в его берлоге, заваленной буреломом книжных стеллажей, свидетельствовал: философские поиски штука хорошая, но по житейскому счёту бесполезная. Единственная польза от них — душевное спокойствие. Цена редакция и большинству "средних интеллектуалов" недоступная.

Душевное спокойствие. Цена редакция и большинству "средних интеллектуалов" недоступная.

Душевное спокойствие. Цена редакция и большинству "средних интеллектуалов" недоступная.

БОРЬБА ЗА СКЛЕП ФЕТА

В Орловском районе, в 25 километрах от Орла, в старинном русском селе Клейменове, под зданием местной Покровской церкви, в склепе согласно завещанию с 1892 года покоятся останки великого русского поэта, гордости мировой поэзии, члена Петербургской академии наук Афанасия Афанасьевича Фета (Шеншина) и его супруги. Российская трагедия, порожденная 1917 годом, не обошла стороной и село Клейменово. Волна грабежей и разорения дворянских усадеб и православных церквей ударилась до родины поэта. Ошалевшие от необъяснимой "свободы", толпы грабителей в 1918 году разорили усадьбу и осквернили могилу А. Фета, а в 1922 году та же участь постигла и Покровский храм.

Покровский храм в селе Клейменове, Орловская область.

Посетивший Клейменово осенью 1951 года уроженец Орла, ныне известный ученый, автор многих книг, литературовед, бывший главный хранитель музея-усадьбы "Ясная Поляна" Николай Павлович Пузин был поражен состоянием могилы: "Володарский райпребсоюз превратил склеп... в хранилище овощей". Благодаря его вмешательству той же осенью по указанию из Москвы склеп освобожден. Но могилу оставили в крайне запущенном состоянии: склеп был сильно загрязнен, мраморная доска с эпитафией отсутствовала.

В преддверии 60-летия со дня смерти А. А. Фета в "Литературной газете" 6 июня 1952 года была опубликована статья Н.П. Пузина "Равнодушие к памяти поэта", в которой автор потребовал, "чтобы местные организации, наконец, реставрировали склеп". В то же время, еще весной 1952 года, Николай Павлович, продолжая настойчиво добиваться приве-

дения в порядок места захоронения поэта, обратился к видному писателю Илье Эрэнбургу, который проявил заинтересованность и принял непосредственное участие в этом деле.

В Госархиве Орловской области сохранилась переписка И.Г. Эрэнбурга, бывшего тогда депутатом Верховного Совета СССР, и руководства обкома КПСС, а также местных органов власти по вопросу восстановления и приведения в порядок места погребения. Нижеприведенные документы ранее были недоступны для исследователей. Сегодня они открыты, и мы имеем возможность познакомиться их с нашим читателем.

"27 марта 1952 г. И.Г. Эрэнбург, депутат Верховного Совета СССР, Москва, ул. Горького, 8, кв. 48, Секретари Орловского областного комитета ВКП(б). Я получил письмо от научного работника Н.П. Пузина, который сообщает мне, что могила известного русского

поэта, находящаяся в селе Клейменове Цветынского сельсовета Володарского района Орловской области, очень запущена и никем не охраняется. До немецкой оккупации могила поддерживалась в порядке. После войны склеп был овален в хранилище для овощей. Осенью 1951 г. по указанию секретаря ЦК ВЛКСМ тов. Михайлова склеп был освобожден Володарским райпребсоюзом, но могила продолжает оставаться в запущенном состоянии; склеп загрязнен, снята эпитафия на мраморной доске, разрушен пол. Прошу вас принять меры, чтобы могила поэта А.Фета была приведена в пристойный вид. Буду признателен, если вы напишете мне о сделанном вами. С уважением Эрэнбург".

Думается, что относительно содержания в порядке могилы Фета до оккупации Илья Григорьевич несколько лукавил... Но, вероятно, по-другому было нельзя, иначе самого Эрэнбурга могли заподозрить в клеветке на советский строй и политику партии большевиков, что в сталинское время означало неизбежный арест и, в лучшем случае, концлагерь, а в худшем — и мера исключительная. Однако такое обращение лауреата сталинских премий (а затем и Международной Ленинской) не могло быть оставлено без внимания. Областные руководители знали, какую роль сыграла публикация Эрэнбурга во время недавно закончившейся войны и как к нему бла-

говолил Сталин. Поэтому хотя и не сразу, но тяжелая обкомовская машина стала заводиться.

Можно представить себе, как были удивлены районные власти, получившие в отбечаемой форме приказ, предписывающий им привести в порядок могилу человека, известного им как "крепостник-помещик", представителя "враждебного" трудовому народу сословия дворян.

Воспитанные в духе классовой ненависти, местные партийцы с ответом не торопились и в установленный срок о принятых мерах не сообщали.

Учитывая политический вес и влияние обратившегося лица, обком партии встретился и направил в район повторную депешу. Тянуть дальше было нельзя, срочно задвигались ступля и застучали пишущие машинки в

райкомовских и райисполкомовских кабинетов...

И вот наконец должданный ответ в Москву: "16 мая 1952 г. депутат Верховного Совета СССР товарищу Эрэнбургу И.Г. Отвечая на Ваше письмо по поводу благоустройства могилы известного поэта А. Фета. По получении Вашего письма на исполкома Володарского райсовета депутатов трудящихся был рассмотрен вопрос о приведении в надлежащий вид могилы А. Фета. Принято решение, за-прещающее заготовительным и иным организациям использовать могилу-склеп для хозяйственных целей. В настоящее время работы благоустроены. Секретарь Орловского обкома ВКП(б) (Землянский)".

...Но неисповедимы пути Господни! Уж какие, казалось бы, мощные силы были подключены к святому делу, но... опять-таки это "но"! Дело перешло на плечи 72-летнего священника отца Иоанна (Ивана Тимофеевича Кузнецова).

Отца Иоанн служил в Клейменовской церкви десять лет, его все уважали. Поэтому районное начальство заявило, что "он лучше и быстрее справится с этим делом". Священник, награжденный крестом, медалью "За доблестный труд в Великой Отечественной войне", по-настоящему рабочий и строитель, доставлявший материалы для подвоза приезжающих "надзираю-

щих" из областных организаций, вел переписку и встречался с Н.П. Пузиным, часто наведывавшим Клейменово. Эта подвижническая деятельность была расценена более высоким начальством (?) как нарушение закона о церкви.

В секретном сообщении на Совет по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР полномоченный совет по Орловской области Н.Ф. Зверев обвинил его в том, что, взяв на себя заботу о благоустройстве склепа, священник "старался проявить себя полезным общественным деятелем", хотел показать, "что церковь и духовенство могут приносить пользу советскому обществу. Отсюда его стремление оказывать материальную помощь государству и колхозу (священник до 1951 года продолжал вносить деньги в райсовет на помощь детям-сиротам. — А.П.), подкати отделять гражданам, обращавшимся к нему за помощью, его попытки принимать участие в делах советских учреждений, как это имело место при проведении работ по благоустройству могилы писателя Фета".

Причем полномоченный сам признавал, что без участия священника Кузнецова местные и областные организации с работами по благоустройству могилы Фета справлялись плохо.

24 января 1953 года из Совета по делам РПЦ пришло секретное указание: "Благоустройство могилы поэта А. Фета и его супруги, а также Покровской церкви в селе Клейменове, Орловская область, является задачей, которая возложена на вас. Для этого в 1961 году заместитель председа-

теля Володарского райисполкома товарищ Демидов ознакомился с обстановкой в селе Клейменове и провел так называемую соответствующую работу с верующими, после которой якобы представители верующих обратились в сельсовет с просьбой принять от них церковное здание, так как у них не было средств на содержание священника и охрану церкви. Тем самым было обеспечено решение вопроса о закрытии храма.

Прошли годы, наступили новые времена, притихли оготельные атеисты. И вспоминали люди, что есть подлинная, а не ложная духовность. Вновь стали обращаться к православной вере, возрождать духовное богатство православия. 27 декабря 1991 года было зарегистрировано религиозное общество. При помощи администрации стапелерикотного завода начались работы по восстановлению Покровской церкви. К селу проложили бетонную дорогу. Покровский храм в селе Клейменове освятили, и стал он снова действующим. Ежегодно рядом с православным храмом проводится Фетовский праздник, на котором в церкви совершается торжественное богослужение. И вновь идут паломники к могиле знаменитого русского поэта, к великопому храму — творению мастеров века прошлого и нынешнего. Есть надежда, что не забудут они и могилу скромного русского священника, отдавшего всю свою жизнь служению Богу и людям.

Анатолий ПЕРЕЛЫГИН. Председатель Орловского церковного историко-археологического общества.